

Апология сталинизма в постсоветских учебниках литературы

МИХАИЛ ПАВЛОВЕЦ

Доцент, заместитель руководителя, Школа филологии, факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4. E-mail: mpavlovets@hse.ru.

Ключевые слова: позднесоветский консерватизм; советская литература; Сталин; учебники литературы; школьный литературный канон.

Статья посвящена апологии Иосифа Сталина и сталинизма в некоторых школьных учебниках литературы постсоветского времени. Их авторы в основном позитивно оценивают роль Сталина в качестве не только руководителя советского государства в целом, но и «модератора» литературного процесса в СССР. Оценки самого Сталина отдельных произведений и творчества их авторов (как отчасти и отношение этих последних к «вождю народов») становятся важным фактором включения попадания тех или иных имен и названий в «школьный литературный канон» или же, напротив, их дискредитации и выдавливания из этого канона. Авторы учебников старательно подбирают или реинтерпретируют факты, позволяющие подчеркнуть исключительное значение Сталина в развитии русской литературы XX века. Тем самым он приобретает статус важнейшей фигуры советского литературного процесса, а утверждаемый в годы его правления господствующий

творческий метод — социалистический реализм — становится естественным продолжением и воплощением гуманистических традиций классической русской литературы.

В советских учебниках литературы осуществлялась попытка конструирования концепции истории русской литературы XX века на идеологических основаниях позднесоветского почвеннического консерватизма. Последний видел в сталинизме естественное продолжение дореволюционного политико-идеологического консерватизма. Таким образом, школьный предмет «литература» использовался в качестве инструмента идеологической индоктринации подрастающего поколения в национально-патриотическом духе. Практически не подвергавшаяся пересмотру, эта идеологическая линия проводилась в учебниках на протяжении и 1990-х, и 2000-х годов, а распространение учебников пользовалось преимущественной поддержкой со стороны государства.

ПРОВОДИМЫЙ ежегодно с 2004 года Тотальный диктант¹ изначально был предметом активного обсуждения в СМИ и блогосфере, но юбилейный, десятый диктант 6 апреля 2013 года обернулся настоящим скандалом. Бурная дискуссия развернулась вокруг замены в Ульяновской области по распоряжению губернатора Сергея Морозова текста Тотального диктанта. Предложенное оргкомитетом акции эссе об интернете прозаика Дины Рубиной сменилось очерком о местном живописце-соцреалисте Аркадии Пластове пера известного советского журналиста Василия Пескова (чьи тексты, кстати, всегда охотно использовались методистами в качестве основы для диктантов и изложений). За спорами о праве региональных властей вмешиваться в просветительскую акцию, организованную не государством, а общественностью, о том, может ли живущая в Иерусалиме Дина Рубина считаться русской писательницей и даже являться ли она «матерщинницей», мало кто обратил внимание на сам текст, которым заменили предложенное оргкомитетом эссе. Этот очерк, еще в 2007 году опубликованный в «Комсомольской правде», во многом примечателен. Но особо хотелось бы остановиться на следующем его фрагменте:

Кажется, первой картиной, сделавшей имя Пластова сразу известным, был холст с названием «Фашист пролетел». Грустный день осени 42-го года. Остатки стада коров на опушке и лежащий в траве пастушок, расстрелянный сверху. Щемящий сердце эпизод огромной войны. Картина была замечена. Внук художника Николай Николаевич Пластов мне рассказал: «Сталин из Тегерана распорядился послать самолет за этой картиной, чтобы поместить ее в зале, где проходила в 43-м году знаменитая встреча глав государств, воевавших против фашистов...»²

Кажущийся вполне нейтральным в контексте биографического очерка, данный фрагмент тем не менее под прикрытием объек-

1. Подробнее об этом мероприятии можно узнать на сайте «Тотального диктанта» (см.: URL: <http://totaldict.ru>).
2. Песков В. Окно в природу: «Я всем обязан деревне» // Комсомольская правда. 06.12.2007. См.: URL: <http://www.kp.ru/daily/24014.3/86512>.

тивного изложения исторических фактов «вбрасывает» в массовое сознание несколько очень значимых тезисов.

1. Советское искусство было мощным оружием в борьбе с нацизмом в годы Великой Отечественной войны.
2. Иосиф Сталин — мудрый правитель, понимавший значимость искусства в деле борьбы за спасение Отечества и мира от нацистской угрозы.
3. Сталин лично отслеживал и поддерживал все ценное и передовое, что создавалось деятелями советского искусства.

Таким образом, сама история с «тотальным диктантом» многомерна и противопоставление двух текстов двух авторов можно проводить по целому ряду оппозиций:

- столичное/провинциальное;
- чужое/свое, местное;
- космополитическое/национальное;
- инациональное (еврейское)/русское;
- современное/традиционное;
- либеральное/консервативное.

Понятно, что в контексте истории с ульяновским диктантом позитивно маркированными оказываются вторые члены данных бинарных оппозиций, и имя Сталина возникает в тексте далеко не случайно: для автора очерка именно одобрение со стороны Сталина легитимирует творчество его земляка как общезначимое, общенациональное, в том числе имеющее не просто эстетическое, но и народное и государственное значение. Именно такая двойная оценка — снизу, со стороны «народных масс», и сверху, со стороны властных институций «народного государства», — до сих пор может являться обязательным условием признания художника³; более того, приходится признать, что данный механизм действует до сих пор при формировании нового, вроде бы постсоветского канона авторов, обязательных для изучения в средней общеобразовательной школе.

Так, одним из немногих изданий в постсоветский период, претендующих не только на объективную картину литературного процесса в XX веке, но и на целостную модель исторического процесса, является учебник по русской литературе для 11-го класса под редакцией Виктора Журавлева, выходящий в издатель-

3. Вот характерная цитата из очерка, в которой нарочито смешиваются две референции художника: «Получил много наград, звание академика, стал подлинно народным художником, бывал за границей, не переставая и там учиться, но часто искренне говорил: „Я всем обязан деревне“» (Там же).

стве «Просвещение»⁴. Он наследовал пособие «Русская литература XX века. Очерки. Портреты. Эссе», чей авторский коллектив возглавил один из ведущих представителей так называемой русской партии⁵ в советской послевоенной элите, Феликс Кузнецов, отнесенный критиком Владимиром Бондаренко к «красному лику» (то есть национально-коммунистическому крылу) русского патриотизма⁶. Пособие вышло в 1991 году также в «Просвещении», в 1994 году появилось 2-е, доработанное издание⁷. Сама фигура главного редактора пособия должна была, по-видимому, символизировать собой идею компромисса между двумя лагерями — «демократическим» и «патриотическим» (до середины 1970-х годов Кузнецов, по его признанию, лавировал между этими лагерями, пока не примкнул к последнему⁸), а также отражать идею преэминентности по отношению к советской литературе, крупным функционером которой он являлся. Пособие Кузнецова призвано было сменить учебник «Русская советская литература» под редакцией Валентина Ковалева⁹, созданный еще в 1976 году и с тех пор переиздававшийся, пока не потеряло актуальность само понятие «советская литература» применительно к значительной части литературного наследия XX века. При этом сам Кузнецов указывал:

Для участия в сборнике «Русская литература XX века», составленном как учебное пособие сотрудником издательства «Просвещение» Е. П. Прониной, вероятно, сознательно (такой была установка издательства) были приглашены литературоведы

4. См.: Литература. 11 класс: учебник для общеобразовательных учреждений: В 2 ч. / Под ред. В. П. Журавлева. 15-е изд. М.: Просвещение, 2010; Русская литература XX века: учебник для 11 класса общеобразовательных учреждений: В 2 ч. / Под ред. В. П. Журавлева. М.: Просвещение; Московские учебники, 1997; Русская литература XX века. 11 класс: учебник для общеобразовательных учреждений: В 2 ч. / Под ред. В. П. Журавлева. 8-е изд. М.: Просвещение; Московские учебники, 2003.
5. Понятие «русская партия» применительно к националистически ориентированным кругам позднесоветского истеблишмента ввел Николай Митрохин в книге: *Митрохин Н.* Русская партия. Движение русских националистов в СССР, 1953–1985 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
6. *Бондаренко В. Г.* Пламенные реакционеры. Три лика русского патриотизма. М.: Алгоритм, 2003.
7. Русская литература XX века. Очерки. Портреты. Эссе: книга для учащихся 11 класса средней школы: В 2 ч. / Под ред. Ф. Ф. Кузнецова. 2-е изд., дораб. М.: Просвещение, 1994.
8. См.: *Бондаренко В. Г.* Указ. соч. С. 133.
9. Русская советская литература: учебник для 10-го класса средней школы / Под ред. проф. В. А. Ковалева. М.: Просвещение, 1976.

и критики различной ориентации: с одной стороны, условно говоря, «государственники» — В. Чалмаев, Ал. Михайлов и другие, а с другой, «демократы» — Л. Аннинский, Г. Белая, И. Шайтанов и др.¹⁰

Правда, Галина Белая и Игорь Шайтанов — авторы всего двух небольших разделов в упомянутом издании (Лев Аннинский — одного, посвященного классику социалистического реализма Николаю Островскому), тогда как, скажем, Виктор Чалмаев — сразу восьми, большей частью весьма представительных, занимающих около 220 страниц, то есть более четверти объема двухтомного 760-страничного пособия. Причем именно в его изложении дана история литературного процесса 1920–1950-х годов, а также характеристика современного литературного процесса и творчества таких важных для патриотического лагеря фигур, как Михаил Шолохов, Леонид Леонов и Александр Солженицын. Критик и литературовед Виктор Чалмаев, как известно, одна из заметных фигур в национально-патриотическом движении, как и Александр Михайлов — автор главы учебника, посвященной Владимиру Маяковскому, поэту, связывающему дореволюционную и советскую культуру. Среди авторов пособия к «русской партии» принадлежит и не упомянутый Кузнецовым Олег Михайлов, литературный критик и литературовед, ближайший сподвижник Чалмаева еще по колыбели позднесоветского почвеннического консерватизма — журналу «Молодая гвардия», автор раздела о литературе русского зарубежья.

Главы о Владимире Маяковском, Михаиле Булгакове, Андрее Платонове не случайно не были отданы на откуп «чужакам». По свидетельству Николая Митрохина, именно вокруг этих авторов развернулась «борьба за писателей»:

Русские националисты, с одной стороны, создавали для себя свой особый пантеон как в политике, так и в литературе, а с другой стороны, стремились доказать, что те или иные литераторы недавнего прошлого (как правило, крупные) разделяли именно их, а не либерально-западнические взгляды (при всей условности подобных трактовок)¹¹.

Если к патриотическому пантеону однозначно причислены такие писатели, как Сергей Есенин и вся «есенинская купница» (Ни-

10. Кузнецов Ф. Неистовому ревнителю. Возражения М. Постолу («Советская Россия». 22.08.98) // Советская Россия. 06.10.1998. № 117. С. 4.

11. Митрохин Н. Указ. соч. С. 530.

колай Клюев, Сергей Клычков, Петр Орешин), Михаил Шолохов, Алексей Толстой, Леонид Леонов, прозаики-«деревенщики» (Валентин Распутин, Василий Белов, Михаил Шукшин, с оговорками — Федор Абрамов и Виктор Астафьев), то за Маяковского, Платонова и Булгакова следовало еще побороться. Привлечение в авторский коллектив специалиста по литературе русского зарубежья Олега Михайлова расширило этот список за счет Ивана Бунина, Ивана Шмелева и Бориса Зайцева. Отдельная важная цель для «патриотов» — Солженицын (главу о нем писал Чалмаев, еще в 1994 году выпустивший книгу о писателе¹²): с приобщением автора «Архипелага ГУЛАГа» к «национально-патриотическому» лагерю в нем, вместе с Шолоховым и Буниным, оказывалось уже три нобелевских лауреата против двух писателей-евреев (Бориса Пастернака и Иосифа Бродского) в лагере «демократов».

Но парадоксальным образом первый критический залп по пособию Кузнецова был нанесен именно из патриотического лагеря — в статье педагога из Краснодара Михаила Постола «Насморк. О зловещих искажителях русской культуры»¹³, появившейся 22 августа 1998 года в центральном печатном органе «народно-патриотических сил» — газете «Советская Россия», в рубрике «Слово учителя»¹⁴. Критика велась с крайне левых, ортодоксально-коммунистических позиций, причем другое учебное издание, которому также досталось от автора статьи, — куда более «либеральный» учебник под редакцией Владимира Агеносова¹⁵ — оказался совершенно в тени кузнецовского пособия. Более того, основные замечания и обвинения получили статьи, написанные в нем... Чалмаевым! Это позволяет предположить, что полемика носила ярко выраженный «внутрипартийный» характер, возможно будучи замешана на личной антипатии: шла борьба между «красной» («ортодоксально-коммунистической») и «белой» («почвеннической»)

12. Чалмаев В. А. Александр Солженицын: жизнь и творчество. М.: Просвещение, 1994.

13. Название обыгрывало известное высказывание Максима Горького из его статьи «Разрушение личности» (1909): «Писатели наших дней услужливо следуют за мещанами в их суете и тоже мечутся из стороны в сторону, сменяя лозунги и идеи, как платки во время насморка» (*Горький М. Разрушение личности // Максим Горький: Pro et contra. Личность и творчество Максима Горького в оценке русских мыслителей и исследователей, 1890–1910-е годы. СПб: РХГИ, 1997. С. 78*).

14. Постол М. Насморк. О зловещих искажителях русской культуры // Советская Россия. 22.08.1998. № 98. С. 3–4.

15. Русская литература XX века. 11 класс: учебник для общеобразовательных учебных заведений: В 2 ч. / Под ред. В. В. Агеносова. М.: Дрофа, 1996.

ветвями патриотического лагеря. При этом Михаил Постол, обвиняя авторов кузнецовского пособия в «троцкизме» и «авербаховщине», использовал весь набор приемов, выработанных «напостовской» школой рапповской критики: политические обвинения, навешивание ярлыков, передергивание цитат, имена собственные в форме нарицательных:

Вряд ли будет преувеличением сказать, что они [авторы учебников] продолжают линию Авербахов. <...> Бухарины и авербахи раздували культ Пастернака, чтобы ударить по Есенину и Маяковскому. Нынешние авербахи раздувают культ Солженицына и Бродского, чтобы ударить по Шолохову и Леонову¹⁶.

Вывод критика однозначен:

Словом, сегодня детям России в школах предлагают фальсифицированную русскую литературу XX века, состряпанную по рецептам даллесов и по заказам соросов их единомышленниками, союзниками и помощниками в самой России¹⁷.

Знаменательно, что ответ последовал именно от Феликса Кузнецова, выступившего на страницах той же газеты через полтора месяца¹⁸. Перечислив в подписи наиболее весомые свои регалии — «член-корреспондент РАН, директор Института мировой литературы им. А. М. Горького», он вернул оппоненту основные обвинения в «авербаховщине»: статья называлась «Неистовому ревнителю. Возражения М. Постолу»¹⁹. Кузнецов заявлял:

... позиция Постола во многих случаях, где приводятся и толкуются конкретные примеры из учебного пособия, — явно кастовая, узколобая, объективно наследующая традиции РАППа и «неистовых ревнителю» 1920-х и последующих годов, какими бы словами ни поносил их Постол в своей статье. Та же зауженность, зашоренность взгляда на литературу и непринятие в ней патриотических тенденций, та же претензия на монополярную истину,

16. *Постол М.* Указ. соч. С. 4.

17. Там же.

18. *Кузнецов Ф.* Указ. соч.

19. Такое название отсылало к книге Степана Шешукова «Неистовые ревнителю», в которой была сделана попытка, насколько это было возможно в советское время, объективно разобраться с ролью РАПП в литературной борьбе 1920-х годов (*Шешуков С. И.* Неистовые ревнителю. Из истории литературной борьбы 20-х годов. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1984).

та же воинствующая левацкая «ультра-революционность», те же недобросовестные методы полемики, смысл которой — не в дискуссии, споре, обсуждении, но — в политической и моральной дискредитации оппонента²⁰.

При этом знаменательно, что главным образом редактор пособия защищал от обвинений именно Виктора Чалмаева, тогда как от некоторых разделов, написанных другими авторами, осторожно отстранялся, словно бы мягко солидаризируясь со своим оппонентом:

Далеко не все в этом, десятилетней давности, сборнике мне как редактору нравится, он эклектичен и противоречив, с некоторыми его статьями и эссе я и тогда не был согласен, но не хотел выступать цензором и согласился быть его главным редактором, чтобы максимально поддержать в нем народно-патриотическое направление мысли, крайне важное для школы, достаточно широко представленное в сборнике²¹.

Рассказывая о том, как «учебное пособие» под его редакцией стало полноценным «учебником», Феликс Кузнецов свидетельствует:

Но с течением времени сборник видоизменился, и из «учебного пособия», каким он был вначале, в 1997 году превратился в «учебник», но уже под редакцией В. Журавлева. А это значит, приобрел большую цельность за счет потеснения одних (ушли, скажем, очерки о Серафимовиче, Н. Островском) и расширения других (Бродский, Евтушенко, даже Пригов и пр.). Для такого «учебника» я как главный редактор уже не годился...²²

Впрочем, если согласие возглавить авторский коллектив членкор РАН объясняет тактическими соображениями («максимально поддержать в нем народно-патриотическое направление мысли»), то и в последующем отказе от роли редактора издания тоже можно усмотреть тактику: с одной стороны, избавить авторский коллектив от присутствия в нем в своем лице столь одиозной фигуры, с другой — дать единомышленникам из патриотического лагеря точную наводку для атаки. Не случайно же статья Кузнецова заканчивается обширной стихотворной цитатой, предваренной следующим пояснением:

20. Кузнецов Ф. Указ. соч.

21. Там же.

22. Там же.

Я бы обязательно напечатал еще одно известное стихотворение А. Межирова — специально для главного редактора газеты «Советская Россия» (и не только для него): «Десантники»²³.

Напомним первые строки этой вещи:

Мы под Колпиным скопом стоим,
Артиллерия бьет по своим.
Это наша разведка, наверно,
Ориентир указала неверно²⁴.

Верный же ориентир — имена Бродского, Евтушенко и Пригова, материалы о которых в учебник Журавлева на самом деле перекочевали в прежнем объеме из кузнецовского пособия вместе со всем разделом, написанным Игорем Шайтановым (о чем редактор не мог не знать)! Показательно и то, что Кузнецов ни слова не произнес в защиту конкурирующего издания — учебника под редакцией Агеносова, как бы молчаливо признавая справедливость критики в адрес последнего.

Учебник же под редакцией Журавлева, специалиста по творчеству «новокрестьянских» поэтов, особо ценимых в патриотических кругах, и по совместительству в то время заведующего редакцией литературы в издательстве «Просвещение», действительно вышел в 1997 году и в основном сохранил авторский коллектив издания-предшественника, потеряв из авторов только критика Льва Аннинского и составителя заданий методиста Ольгу Зайцеву, зато приобретя в качестве автора главы, посвященной литературе Великой Отечественной войны, писателя-фронтовика Лазаря Лазарева. В новом издании перу Чалмаева принадлежало также около 200 страниц (основных обзорных глав и посвященных тем же персоналиям, что и в пособии под редакцией Кузнецова), что составляло более четверти 740-страничного издания.

Данный учебник в Москве вскоре был издан под эгидой двух издательств — «Просвещение» и АО «Московские учебники». Вплоть до 2009 года на его передней обложке присутствовал логотип «Московский учебник». На задней же обложке вместо штрих-кода указывалось: «Продаже не подлежит». Изначально получивший гриф «Рекомендовано» Министерства образования, учебник пережил только одно значимое обновле-

23. Там же.

24. Межиров А. П. Мы под Колпиным скопом стоим // Какая музыка была! / Межиров А. П. М.: Эксмо, 2006. С. 29.

ние — в 1999 году, после чего в текстовом отношении мало изменился, поменяв шрифты и сменив название на «Литература. 11 класс».

Однако ряд глав этого учебника, написанных «чужаками», вступает в противоречие с «национально-патриотической» моделью, которую он призван был, по замыслу Феликса Кузнецова, продвигать в школьном образовании. Так, в главе Лазаря Лазарева о «военной» литературе ни слова не сказано о заслугах (полководческих, организаторских) Сталина в деле победы над врагом! В обзорных главах Чалмаев проводил активную идеологическую корректировку тех образов писателей, монографические разделы о которых в учебнике были написаны не «государственниками», но, вероятно, это казалось ему недостаточным. Поэтому в более чистом виде данная модель была представлена в авторском учебнике самого Виктора Чалмаева, вышедшем в 2002 году в издательстве «Русское слово»²⁵. Методический аппарат к пособию подготовил авторитетный методист — доктор филологических наук Сергей Зинин. Сам же Чалмаев частично перенес в издание переработанные главы из учебника Журавлева, остальные же дописал, избавившись от упомянутых концептуальных разногласий внутри издания. Данное пособие, помимо министерского грифа «Рекомендовано», вскоре получило еще и гриф «Московский учебник», что, как и в случае с журавлевским учебником, означало бесплатное распространение по школам Москвы за счет столичного бюджета.

В обоих учебниках — и собственном чалмаевском, и под редакцией Журавлева — непропорционально большое место отведено так называемому почвенному направлению в русской литературе XX века, что обусловлено «национально-патриотической» тенденцией этих изданий, проводящих линию преемственности от древнерусской книжности и крестьянского фольклора, славянофилов и Достоевского через крестьянских и «новокрестьянских поэтов», через поэтов 1930-х годов Павла Васильева и Бориса Корнилова, прозаиков Михаила Шолохова, Леонида Леонова к прозе писателей-«деревенщиков» и авторов «тихой лирики». Для авторов данных учебников (можем сразу уточнить — для Чалмаева и его ближайших единомышленников) именно эта линия является важнейшей и наиболее ценной в отечественной литературе, ибо несет

25. Чалмаев В. А., Зинин С. А. Русская литература XX века: учебник для 11 класса: В 2 кн. М.: Русское слово, 2002.

в себе идеи целостности, единства, гармонии человека с самим собой, социумом, окружающим его миром и государством.

Так, идея не просто национальной исключительности, но отчасти и национального превосходства декларируется в программном «Вступлении» к учебнику Чалмаева. Размышляя о том, что позволяет говорить о русской литературе как о «сложной целостности», автор утверждает:

Основа этой системности и подвижнического пути русской литературы в мировой культуре — «русская точка зрения», особая нравственная позиция лучших художников. <...> Нравственная позиция, «русская точка зрения», сказалась в том, что никакой другой литературе в мире (тем более — массовому искусству) не был так дорог человек — и не как условное, смутное пятно, бесформенный знак, абстракция, а как яркая личность со всем богатством ее духовной, психологической жизни. Она не сводила человека к комплексу темных зловещих инстинктов разрушения, к образу откровенного приобретателя²⁶.

Модель исторического (и историко-литературного) процесса XX века, раскрываемая в обоих учебниках, хорошо известна по трудам «идеологов» национально-патриотического лагеря и базируется на ряде мифов, которые укоренились среди его адептов и активно пропагандируются как в периодике, так и в претендующих на серьезную историческую аналитику монографических изданиях. Далеко не все они актуализированы в обоих учебниках напрямую, но ключевыми оказались два: почвеннический миф о «деревенской Атлантиде», хранительнице непреходящих национальных духовно-нравственных и религиозных ценностей, и миф о Сталине, мудром правителе, восстановившем и приумножившем мощь Российской империи в новом облике — облике СССР.

Сложнейшая проблема, которую решал Чалмаев в написанных им главах, — как примирить образ Сталина-реформатора, превратившего отсталую аграрную страну в ядерную державу, с той ценой, которую заплатило русское крестьянство за модернизацию. Автор вынужден был признать, что в результате этой модернизации патриархальная русская деревня была практически уничтожена, села обезлюдели, исчезла многовековая земледельческая культура с ее фольклором и особой крестьянской духовностью. Поэтому ему приходится диалектически сочетать в учебнике «плач»

26. *Они же*. Литература. 11 класс: учебник для общеобразовательных учреждений: В 2 ч. 9-е изд. М.: Русское слово, 2010. Ч. 1. С. 5.

по «деревенской Атлантиде» с восхвалением сталинских преобразований, искать «объективные» обоснования многомиллионным жертвам или же попросту замалчивать их истинные масштабы.

В интерпретации Чалмаева Сталин вынужден действовать в условиях исторического «цейтнота»: получив в наследство разрушенную большевистскими экспериментами страну, он железной рукой повел ее путем модернизации, в то же время возрождая исконные отечественные традиции. Это потребовало от «вождя народов» универсализма сродни тому, что воспел в Петре Великом Пушкин: его компетентность распространяется на все сферы — от государственного строительства и военного дела до образования и культуры. Так, Иосиф Сталин в главах, написанных Чалмаевым, — одна из ключевых фигур не только исторического, но и литературного процесса, причем фигура большей частью позитивная. Сталин первым называет Шолохова «знаменитым писателем нашего времени»²⁷, заступает за него во время гонений²⁸ и поддерживает авторскую концепцию «Тихого Дона», когда «неистовые ревнители» требовали Григория «сделать красным»²⁹. Целый абзац в главе о Михаиле Шолохове посвящен комиссару Малкину, участнику подавления Вешенского восстания; причем отдельно сообщается, как он, «ставший в 30-е годы крупным „чистильщиком“ в ОГПУ», «высказал кровную обиду на Шолохова и его роман» самому Сталину, но «Сталин с досадой отмахнулся»³⁰.

Сталин одним своим звонком решает судьбу Михаила Булгакова. «Преуменьшать значение этого вмешательства Сталина, — в это же время спасавшего и „Тихий Дон“ М. А. Шолохова, а позднее и жизнь его, — не следует», — предупреждает Чалмаев³¹; «внутренняя боль людей долга и чести, даже державность их чувств», как предполагает автор, привлекли Сталина в пьесе «Дни Турбиных» и в поздней лирике Анны Ахматовой³². Именно Сталин понимает относительно РАПП, что «верхушка организации, как и ее лидер Л. Авербах, „стала проклятием для литературы“ (И. В. Сталин)»³³, — и потому упраздняет эту организацию. Сталину же приписывается и единоличное авторство термина «социалистический реализм», в доказательство чего приводится обшир-

27. Литература... / Под ред. В. П. Журавлева. 15-е изд. Ч. 2. С. 196.

28. Чалмаев В. А., Зинин С. А. Литература... Ч. 2. С. 60–61.

29. Литература... / Под ред. В. П. Журавлева. 15-е изд. Ч. 2. С. 211.

30. Там же. С. 200.

31. Чалмаев В. А., Зинин С. А. Литература... Ч. 2. С. 108.

32. Там же. С. 117.

33. Там же. С. 366.

ный фрагмент с раздумьями Сталина из воспоминаний председателя оргкомитета Первого съезда писателей Ивана Гронского³⁴.

Один из постоянных приемов Чалмаева — цитаты из художественных произведений, литературно-критических отзывов или высказываний авторитетных литературных деятелей, в которых имя Сталина звучит если не в позитивном, то хотя бы в нейтральном контексте. Для этого приводятся слова из вступительной речи Горького на открытии съезда писателей («Мы выступаем в стране... где неутомимо работает железная воля Иосифа Сталина...»³⁵). Отмечается, что статья «Родина» Алексея Толстого прозвучала «в унисон с речью И. В. Сталина на параде на Красной площади»³⁶. Цитируется характеристика Валеги — героя повести Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда»: тот «за родину... за Сталина, которого он никогда не видел... — будет драться до последнего патрона»³⁷. Подчеркивается, что в романе Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» слова веры в Сталина звучат именно «из уст еврейского мальчика, сказавшего родителям: „Сталин отомстит за все“, он и здесь „устроит фашистам Сталинград!“»³⁸. Указывается, что трилогия Абрамова «Братья и сестры» начинается «с весьма уважительного отношения к И. В. Сталину» (зато, по словам автора главы, «во 2-м и 3-м романах Ф. А. Абрамов разделяет модное тогда поверхностно-уничижительное отношение к И. В. Сталину и к коллективизму»³⁹). Для апологии Сталина призывается и Пастернак, который, по словам Чалмаева, осудил Мандельштама за чтение им стихотворения «Мы живем, под собою не чуя страны...», названного в учебнике «эпиграммой»: «Это не литературный факт, а акт самоубийства, которого я не одобряю и к которому я не хочу быть причастен»⁴⁰.

«Тридцатые годы как продолжение и одновременно противоположность двадцатых годов» — так называется один из разделов учебника Журавлева, также написанный Чалмаевым. Однако упоминание «преемственности» двух эпох нужно ему, скорее, для того, чтобы некоторые негативные явления данного десятилетия (скажем, перегибы в проведении коллективизации или в политических репрессиях) списать на наследство предшествующего

34. См.: Литература... / Под ред. В. П. Журавлева. 15-е изд. Ч. 2. С. 20–21.

35. Чалмаев В. А., Зинин С. А. Литература... Ч. 2. С. 25.

36. Они же. Русская литература XX века... Кн. 2. С. 35.

37. Литература... / Под ред. В. П. Журавлева. 15-е изд. Ч. 2. С. 382.

38. Чалмаев В. А., Зинин С. А. Литература... Ч. 2. С. 208.

39. Литература... / Под ред. В. П. Журавлева. 15-е изд. Ч. 2. С. 410–411.

40. Чалмаев В. А., Зинин С. А. Литература... Ч. 2. С. 32.

периода, его «пережитки» (по аналогии с концептом «пережитки царского времени» в советской пропаганде).

В целом же о сталинской эпохе говорится как о времени постепенного поворота государства в сторону разумной национальной политики, отказа от троцкистской идеи «мировой революции» и от интернационализма, о времени возвращения национальных символов и духовных ценностей. Данное изменение

... проявилось нагляднейшим образом в духовно-нравственном климате 30-х годов, в возвращении страны к национальным устоям, в новом понимании смысла государства, ранее обязанного «отмирать», семьи, призванной ранее смениться «общезитием», наконец, исторического прошлого⁴¹.

А также в

... решении И. В. Сталина о восстановлении русской православной церкви и в возрождении традиции салютов в честь побед (замена колокольного звона)⁴².

Причем эти процессы в целом оказались благотворны для русской национальной культуры. Так,

... наметившийся в 30-е гг. поворот к государственным и духовным ценностям, идущим из прошлого (наряду с усилением сталинских репрессий), все-таки позволил Булгакову, не изменяя себе, работать в новых жанрах и формах⁴³.

Неудивительно, что ключевым событием в исторической концепции обоих учебников является Великая Отечественная война. Она постфактум служит оправданием методов сталинской модернизации: в учебниках настойчиво проводится мысль, что в противном случае страна не была бы в кратчайшие сроки мобилизована и не смогла бы выстоять в этой войне. Задаваясь вопросом «Оправдывают ли последующие десятилетия все, что успели совершить 30-е гг.», Виктор Чалмаев дает категорический ответ:

Естественно, первое слово в оценке их — оправдание или осуждение — Великой Отечественной войны, Победы. <...> Вероятно, и 50-е гг., и наши дни могут с благодарностью обратить свой взгляд в сторону 30-х гг., их свершений. Но негасимый свет

41. Литература... / Под ред. В. П. Журавлева. 15-е изд. Ч. 2. С. 6.

42. Чалмаев В. А., Зинин С. А. Литература... Ч. 2. С. 207.

43. Литература... / Под ред. В. П. Журавлева. 15-е изд. Ч. 2. С. 64.

Победа позволяет отчетливо рассмотреть, как много сделали люди 30-х гг., сделали сразу же после выхода измученной, обескровленной страны из гражданской войны, разрухи, в исторически короткое предвоенное десятилетие. В 1941 году, когда страна Советов не была сокрушена бронированными ордами фашизма, подтвердилось величие и благородство того героического пафоса, которым жили подвижники (и писатели) 30-х гг.⁴⁴

Здесь показательны два момента: то, что применительно к людям 1930-х годов употребляется заимствованное из религиозного словаря понятие «подвижники», и то, что к ряду подвижников причислены и писатели. Тем самым, во-первых, крестьяне из жертв режима переводятся в разряд людей, пожертвовавших собой ради спасения государства (при этом вопрос о добровольности такой жертвы обходится). В пространном историческом отступлении Чалмаев подробно рассказывает, как крестьянство сперва проявило мелкособственнические наклонности, отказавшись сдавать хлеб по государственным ценам (вопрос о том, был ли у мужика-единоличника выбор, в этом случае также не поднимается), но впоследствии искупило этот грех, послужив чуть ли не единственным источником ресурсов для индустриализации (любопытно, что такое отступление потребовалось именно в учебнике литературы, а не истории).

Во-вторых, точно так же пожертвовать своими личными интересами, творческой индивидуальностью во имя спасения страны перед лицом неотвратимой войны должны были и советские писатели: их «подвижничеством» стало... принятие метода социалистического реализма:

Социалистический реализм — это точное отражение эпохи 30-х гг. как эпохи предвоенной, требовавшей предельной монолитности, отсутствия раздоров и даже споров, эпохе аскетичной, в известном плане упрощенной, но крайне целостной, враждебной индивидуализму, аморальности, антипатриотизму⁴⁵.

Писателям с национальными корнями, это сделать было тем проще, что

... при выработке определения метода явно учитывалось и то обстоятельство, что надо было — это уже дух 30-х гг., дух возвращения к отечественной классике, к России-родине! — отбросить

44. Там же. С. 5–6.

45. Там же. С. 21.

эстетические директивы Л. Д. Троцкого, «демона революции», в 20-е годы предписавшего разрыв с прошлым, отрицание любой преемственности⁴⁶.

Соцреализм в таком случае представлялся как прямое продолжение лучших традиций отечественной классики, отклонением от которых являлись модернистские эксперименты первой трети XX века:

В сознание писателей уже до съезда вносилась — порой деспотично — мысль о величайшей ответственности творческих свершений, их слова для народа в суровое, фактически предвоенное десятилетие, когда порохом запахло от всех границ, о недопустимости бесплодных формалистических экспериментов, трюкачества, натуралистического бытописательства. И тем более проповеди бессилия человека, аморализма и т. п.⁴⁷

Важнейшей задачей для авторов учебника было показать, что неизбежность и оправданность такого рода жертвы, мудрость Сталина были признаны даже его авторитетными противниками, пусть эти слова одобрения и восхищения и вкладываются ими в уста своих персонажей:

Даже Александр Солженицын в одном из последних рассказов «На изломах» (1997) в раздумьях главного героя «железного» директора оборонного завода Дмитрия Емцова, не упуская и своей давней темы репрессий, говорит об эпохе 30-х гг. как о «мощном электромагнитном поле», как об эпохе разбега, величайшей исторической скорости: «Надо было еще годам и годам пройти, чтобы осознать, как от него (Сталина. — В. Ч.) получила вся страна Разгон в будущее. Отойдет вот это ощущение как бы продолженной войны — а Разгон останется, и только им мы совершим невозможное...»⁴⁸

Подходящие слова находятся и у Пастернака — в его речи на Первом съезде советских писателей, в которой он призывал коллег «не отрываться от масс» и говорил об «огромном тепле, которым окружают нас народ и государство»⁴⁹. Те же, кто так и не смирил-

46. Там же. С. 20.

47. Там же. С. 19.

48. Там же. С. 4.

49. Там же. С. 19.

ся с этими жертвами, могут быть и дискредитированы. Например, подоплека ненависти Юрия Трифонова к Сталину такова:

...сын репрессированного революционера, явно «своего человека» (до ареста) в привилегированном «доме на набережной», где жили семьи членов ЦК, наркомов 30-х гг. Эта гвардия партии, как и Н. М. Бухарин, одобрявшая «хороший террор» 1918–1921 гг., затем проиграла борьбу со сталинизмом, с его «плохим», то есть ее лично коснувшимся террором в 30-е гг.⁵⁰

Трудно не заметить, что в контексте данного высказывания понятие «сталинизм» приобретает явно нейтральную, если не позитивную, смысловую окраску.

Победа в Великой Отечественной войне является важнейшим началом и для послевоенного государственного устройства России, что не удивительно. По замечанию Льва Гудкова,

...воспоминания о войне нужны в первую очередь для легитимации централизованного и репрессивного социального порядка, они встраиваются в общий порядок посттоталитарной традиционализации культуры в обществе, не справившемся с вызовами вестернизации и модернизации⁵¹.

В учебниках подчеркивается, что даже после победы СССР остался во враждебном окружении, что и определило собою лицо литературы послевоенного десятилетия:

Литература в послевоенное, но оттого не менее суровое время (ведь началась холодная война с бывшими союзниками, явно устрашавшими СССР ядерной бомбой) считалась мобилизованной, встроеной во все дела страны. <...> В умонастроениях советских людей в те годы присутствовало, помимо великой гордости Победой, достигнутой вместе с союзниками, и известная горечь: вновь зазвучали угрозы в наш адрес, образовалась сеть военных баз вокруг разоренного войной СССР⁵².

Причина осложнений международной обстановки при этом никак не объясняется: агрессия западных стран против СССР подается как имманентная для данного лагеря.

50. Там же. С. 421–422.

51. Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / Ред.-сост. М. Габович. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 103.

52. Литература... / Под ред. В. П. Журавлева. 15-е изд. Ч. 2. С. 255–257.

Зато утверждается, что враждебность окружения послужила причиной, по которой «литературный процесс в этих условиях стал управляемым, руководимым». Причем одной из вех данного процесса названо

... партийное постановление «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» 14 августа 1946 года, после которого ленинградцы А. А. Ахматова и М. М. Зощенко, обвиненные в «духе низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада», были исключены из Союза писателей⁵³.

В данном тексте обращает на себя внимание его безоценочность, особенно заметная на фоне прочих высказываний автора и намекающая на небезосновательность обвинений, которые были выдвинуты против этих авторов. Впрочем, в другом месте Чалмаев напрямую заявляет, что

... в действительности причиной критики было молчание, бездейственность Зощенко в годы войны, резко, в невыгодном свете, выделившая его среди всех литераторов⁵⁴.

В доказательство он сочувственно цитирует... убийственную оценку Михаила Зощенко Иосифом Сталиным с его пожеланием писателю: «Ему надо перестроиться, а не перестроится, пусть убираться к чертям!»

Такого рода работы с историческими фактами немало в обоих учебниках. Авторы, видимо, считают, что их издания и для учителя, и для его подопечных станут основным источником информации по истории страны и истории литературы в XX веке, и потому не чураются прямой тенденциозности. Кстати, убежденность в том, что главная задача учебников — отвечать на вопросы, а не ставить их правильно, вообще отличает авторов «консервативной» линии отечественных учебников, что проявляется даже на уровне учебных вопросов и заданий к тексту, в которых имплицитно закладывается «правильный ответ»: «Почему нельзя считать 30-е гг. бесплодным „черным туннелем“ в советской истории?»⁵⁵ или «Почему надо вспоминать о народном подвиге 1941–1945 годов, хранить вечный огонь битвы „не ради славы, ради жизни на земле“?»⁵⁶.

53. Там же. С. 257.

54. Чалмаев В. А., Зинин С. А. Литература... Ч. 1. С. 379.

55. Литература... / Под ред. В. П. Журавлева. 15-е изд. Ч. 2. С. 22.

56. Там же. С. 227.

Но чем объяснить такое настойчивое стремление авторов ввести имя Сталина в учебник даже не истории — но отечественной литературы? Наша гипотеза состоит в следующем. Переосмысление советской литературы в контексте постсоветской культурной ситуации привело к тому, что большинство писательских фигур утратили присвоенный им в советское время статус «первых» (прежде всего Горький и Маяковский). При этом чем значительнее оказывалась фигура писателя, тем труднее она вписывалась в новую писательскую иерархию, выработанную в недрах консервативного направления гуманитарной мысли в попытке сформировать собственный «национальный канон» русской литературной классики: вспомнить те же антихристианские декларации Маяковского или антикрестьянские выпады Горького — классиков советской литературы, чьи барельефы украшали фронтоны советских школьных пятиэтажек наряду с профилями Пушкина и Льва Толстого.

Поэтому основным «канонизирующим фактором», помимо «народного признания», в отдельных учебниках по литературе для 11-го класса, чьи авторы занимают консервативно-охранительные позиции, становится государственная оценка творчества того или иного автора. Причем в значительной степени эта безличная «государственная оценка» синекдохически подменяется личной позицией Сталина, который выступает консолидирующей фигурой для всего литературного процесса XX века! С одной стороны, именно ручное модерирование им отечественной литературы, как утверждается, позволило ей вновь обрести чаемую цельность и национальную значимость, с другой — именно отношением Сталина к писателям (и, что не менее важно, писателей — к Сталину!) проверялась ценность для национальной культуры того или иного автора. Настойчивое возникновение в учебниках литературы имени Сталина, подчас в самых неожиданных и всегда если не в положительных, то как минимум нейтральных контекстах, безусловно, является попыткой «нормализации» травматического опыта советской истории ее адептами, не отрицающими ее травматического характера, но осмысляющими эти травмы в категориях «искупительной жертвы» и «спасительного подвига». Более того, по замечанию историка Николая Копосова, Сталин «остался символом той общности, с которой идентифицирует себя большинство россиян»⁵⁷, и потому именно фигура «вождя народов» понадобилась авторам учебников, претендующим на создание целостной и не-

57. Копосов Н. Память строгого режима. История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 128.

противоречивой в своих основах концепции литературного процесса XX века, для легитимации этой концепции и наделения ее общезначимыми смыслами.

Библиография

- Бондаренко В. Г. Пламенные реакционеры. Три лика русского патриотизма. М.: Алгоритм, 2003.
- Горький М. Разрушение личности // Максим Горький: Pro et contra. Личность и творчество Максима Горького в оценке русских мыслителей и исследователей, 1890–1910-е годы. СПб.: РХГИ, 1997.
- Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / Ред.-сост. М. Габович. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
- Копосов Н. Память строгого режима. История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- Кузнецов Ф. Неистовому ревнителю. Возражения М. Постолу («Советская Россия». 22.08.98) // Советская Россия. 06.10.1998. № 117.
- Литература. 11 класс: учебник для общеобразовательных учреждений: В 2 ч. / Под ред. В. П. Журавлева. 15-е изд. М.: Просвещение, 2010.
- Межиров А. П. Мы под Колпиным скопом стоим // Он же. Какая музыка была! М.: Эксмо, 2006.
- Митрохин Н. Русская партия. Движение русских националистов в СССР, 1953–1985 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
- Песков В. Окно в природу: «Я всем обязан деревне» // Комсомольская правда. 06.12.2007. URL: <http://kp.ru/daily/24014.3/86512>.
- Постол М. Насморк. О зловещих искажителях русской культуры // Советская Россия. 22.08.1998. № 98. С. 3–4.
- Русская литература XX века: учебник для 11 класса общеобразовательных учреждений: В 2 ч. / Под ред. В. П. Журавлева. М.: Просвещение; Московские учебники, 1997.
- Русская литература XX века. 11 класс: учебник для общеобразовательных учреждений: В 2 ч. / Под ред. В. П. Журавлева. 8-е изд. М.: Просвещение; Московские учебники, 2003.
- Русская литература XX века. 11 класс: учебник для общеобразовательных учебных заведений: В 2 ч. / Под ред. В. В. Агеносова. М.: Дрофа, 1996.
- Русская литература XX века. Очерки. Портреты. Эссе: книга для учащихся 11 класса средней школы: В 2 ч. / Под ред. Ф. Ф. Кузнецова. 2-е изд., дораб. М.: Просвещение, 1994.
- Русская советская литература: учебник для 10-го класса средней школы / Под ред. проф. В. А. Ковалева. М.: Просвещение, 1976.
- Чалмаев В. А. Александр Солженицын: жизнь и творчество. М.: Просвещение, 1994.
- Чалмаев В. А., Зинин С. А. Литература. 11 класс: учебник для общеобразовательных учреждений: В 2 ч. Ч. 1. 9-е изд. М.: Русское слово, 2010.
- Чалмаев В. А., Зинин С. А. Русская литература XX века: учебник для 11 класса: В 2 кн. М.: Русское слово, 2002.
- Шешуков С. И. Неистовые ревнителю. Из истории литературной борьбы 20-х годов. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1984.

APOLOGY OF STALINISM IN POST-SOVIET LITERATURE TEXTBOOKS

MIKHAIL PAVLOVETS. Associate Professor, Deputy Head, School of Philology, Faculty of Humanities, mpavlovets@hse.ru.
National Research University Higher School of Economics (HSE). Address: 21/4 Staraya Basmannaya str., 105066 Moscow, Russia.

Keywords: late Soviet conservatism; Soviet literature; Stalin; literature textbooks; scholastic literature canon.

The article is devoted to the apology of Joseph Stalin and Stalinism in a number of post-Soviet literature textbooks. Their authors had a generally positive assessment of Stalin's role, not only as the head of the Soviet state, but also as the “moderator” of the literary process in the Soviet Union. Stalin's personal evaluation of concrete writers and their literary efforts — as well as, to some degree, the attitudes of these authors towards this *Father of Nations* — became an important factor in their inclusion into the classroom canon of textbooks or, on the contrary, discredited and excluded them from it. The authors of these books carefully selected and reinterpreted the facts to emphasize Stalin's exceptional importance for the development of 20th century Russian literature. Thus, Stalin appeared as the most important figure of the literary process of the Soviet period, and the single method of Soviet literature which was being approved during his reign — “socialist realism” — as a natural extension and embodiment of humanistic traditions of Russian literary classics.

In Soviet school textbooks, there is an attempt to create a concept of the history of the 20th century Russian literature on the ideological basis of the late Soviet “soil-bound” conservatism, and to conceptualize Stalinism as the natural continuation of pre-revolutionary political-ideological conservatism. Thus, the school subject “literature” is used as an ideological tool to indoctrinate the younger generation with a “national-patriotic” spirit. Moreover, this ideological line persisted in textbooks throughout the 1990s and 2000s with almost no adjustment, while their distribution was preferentially maintained by government agencies.

DOI: 10.22394/0869-5377-2017-5-48-61

References

- Bondarenko V. G. *Plamennnye reaksionery. Tri lika russkogo patriotizma* [Inflamed Revolutionaries. Three Faces of Russian Patriotism], Moscow, Algoritm, 2003.
- Chalmaev V. A. *Aleksandr Solzhenitsyn: zhizn' i tvorchestvo* [Aleksandr Solzhenitsyn: Life and Works], Moscow, Prosveshchenie, 1994.
- Chalmaev V. A., Zinin S. A. *Literatura. 11 klass: uchebnik dlia obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii: V 2 ch. Ch. 1* [Literature. 11th grade: Textbook for General Education Institutions: In 2 parts. Part 1], 9th ed., Moscow, Russkoe slovo, 2010.
- Chalmaev V. A., Zinin S. A. *Russkaia literatura XX veka: uchebnik dlia 11 klassa: V 2 kn.* [Russian Literature in XX century: Textbook for 11th grade: In 2 books], Moscow, Russkoe slovo, 2002.
- Gorky M. *Razrushenie lichnosti* [Destruction of the Person]. *Maksim Gor'kii: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Maksima Gor'kogo v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei, 1890–1910-e gody* [Maxim Gorky: Pro et contra. Person and Works of Maxim Gorky in the Perception of Russian Thinkers and Researchers, 1890–1910], Saint Petersburg, RKhGI, 1997.

- Gudkov L. "Pamiat'" o voine i massovaia identichnost' rossiian ["Memory" of War and Mass Identity of Russian People]. *Pamiat' o voine 60 let spustia: Rossiia, Germaniia, Evropa* [Memory of War 60 Years Later: Russia, Germany, Europe] (ed. M. Gabovich), Moscow, New Literary Observer, 2005.
- Koposov N. *Pamiat' strogogo rezhima. Istoriia i politika v Rossii* [Memory of Strict Regime. History and Politics in Russia], Moscow, New Literary Observer, 2011.
- Kuznetsov F. Neistovomu revniteliu. Vozrazheniia M. Postolu ("Sovetskaia Rossiia". 22.08.98) [To a Frantic Zealot. Objections to M. Postol ("Soviet Russia." 22.08.98)]. *Sovetskaia Rossiia* [Soviet Russia], October 6, 1998, no. 117.
- Literatura. 11 klass: uchebnik dlia obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii: V 2 ch.* [Literature. 11th grade: Textbook for General Education Institutions: In 2 parts] (ed. V. P. Zhuravlev), 15th ed., Moscow, Prosveshchenie, 2010.
- Mezhиров A. P. My pod Kolpinym skopom stoim [We Are Staying Fore-Hearh Under Kolpino]. *Kakaia muzyka byla!* [What a Music There Was!], Moscow, Eksmo, 2006.
- Mitrokhin N. *Russkaia partiia. Dvizhenie russkikh natsionalistov v SSSR, 1953–1985 gody* [Russian Party. Movement of Russian Nationalists in USSR, 1953–1985], Moscow, New Literary Observer, 2003.
- Peskov V. Okno v prirodu: "Ia vsem obiazan derevne" [A Window to the Nature: "I'm Completely Indebted to the Country-Side"]. *Komsomolskaya Pravda* [Komsomol Truth], December 6, 2007. URL: <http://kp.ru/daily/24014.3/86512>.
- Postol M. Nasmork. O zloveshchikh iskaziteliakh russkoi kul'tury [The Snuffles. About Sinister Distorters of Russian Culture]. *Sovetskaia Rossiia* [Soviet Russia], August 22, 1998, no. 98, pp. 3–4.
- Russkaia literatura XX veka: uchebnik dlia 11 klassa obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii: V 2 ch.* [Russian Literature in XX century: Textbook for 11th grade of General Education Institutions: In 2 parts] (ed. V. P. Zhuravlev), Moscow, Prosveshchenie, Moskovskie uchebniki, 1997.
- Russkaia literatura XX veka. 11 klass: uchebnik dlia obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii: V 2 ch.* [Russian Literature in XX century. 11th grade: Textbook for General Education Institutions: In 2 parts] (ed. V. P. Zhuravlev), 8th ed., Moscow, Prosveshchenie, Moskovskie uchebniki, 2003.
- Russkaia literatura XX veka. 11 klass: uchebnik dlia obshcheobrazovatel'nykh uchebnykh zavedenii: V 2 ch.* [Russian Literature in XX century. 11th grade: Textbook for General Education Institutions: In 2 parts] (ed. V. V. Agenosov), Moscow, Drofa, 1996.
- Russkaia literatura XX veka. Ocherki. Portrety. Esse: kniga dlia uchashchikhsia 11 klassa srednei shkoly: V 2 ch.* [Russian Literature in XX century. Digests. Portrays. Essays: Book for Eleventh-Graders in High School] (ed. F. F. Kuznetsov), 2nd revised ed., Moscow, Prosveshchenie, 1994.
- Russkaia sovetskaia literatura: uchebnik dlia 10-go klassa srednei shkoly* [Russian Soviet Literature: Textbook for Tenth-Graders in High School] (ed. V. A. Kovalev), Moscow, Prosveshchenie, 1976.
- Sheshukov S. I. *Neistovye revniteli. Iz istorii literaturnoi bor'by 20-kh godov* [Frantic Zealots. From a History of Literary Battles in 1920s], 2nd ed., Moscow, Art Literature, 1984.